

Ранним утром Цзи Юйтун проснулась, умылась и легкой походкой спустилась вниз. На ее лице играла сияющая, радостная улыбка.

После перехода в среднюю школу удача, казалось, повернулась к ней лицом. Она по-прежнему училась в одном классе с Линь Нуаньсу, а вот Цзян Ся, Чжоу Синхань и Гань Минчжу оказались в другом потоке. Хотя они всё еще занимались в одном учебном корпусе, их классы находились на разных этажах. К тому же, как ни странно, Цзян Ся теперь, видя ее, больше не устраивала пакостей. Конечно, под «отсутствием пакостей» подразумевались лишь действия — на словах она по-прежнему не упускала случая отпустить в ее адрес колкость или насмешку.

Но, держась подальше от этой компании, Цзи Юйтун чувствовала, что даже дышать стало легче.

Спустившись в столовую, она увидела, что Матушка Гуй уже накрыла завтрак. Чжу Вэньхань, что случалось нечасто, сидел за прямоугольным обеденным столом. Увидев ее, он отложил газету и одарил мягкой, доброй улыбкой:

— Приходи, Юйтун, садись завтракать.

Чжу Вэньхань был очень красивым мужчиной, отличавшимся мягким, интеллигентным нравом — именно таким он запечатлелся в памяти Цзи Юйтун по мере того, как она взрослела. Однажды она случайно увидела у Матушки Гуй фотографию матери Цзян Ся и нашла ту лишь кроткой и утонченной, но не более того.

У той женщины был широковатый лоб, и Цзян Ся очень походила на свою мать, однако чертами лица она пошла в Чжу Вэньханя. Ее яркие, живые глаза были точь-в-точь как у него, только из-за юного возраста казались острее и напористее, особенно когда она злилась.

Цзи Юйтун, рассеянно размышляя об этом, разрежала ножом яичницу на своей тарелке.

— Сегодня суббота, есть планы, куда пойти? — Чжу Вэньхань, как всегда, был с ней необычайно любезен, а его взгляд излучал теплоту. — У дяди Чжу как раз сегодня есть свободное время. Хочешь, съездим, купим тебе обновок?

— Я... у меня еще много одежды, которую я даже не надевала, — руки Цзи Юйтун, державшие нож и вилку, замерли в воздухе. Раньше было заведено так: Чжу Вэньхань давал деньги, а Матушка Гуй водила ее по магазинам. Матушка Гуй служила в семье Цзян с подросткового возраста и присматривала за матерью Цзян Ся, Цзян Чжитин. Насмотревшись на всё это, она обладала прекрасным вкусом и обожала покупать для Цзи Юйтун платья, всякий раз наряжая ее как маленькую принцессу, готовую отправиться на бал.

Сказав это, Цзи Юйтун почувствовала, что чем-то обидела Чжу Вэньханя. Опустив длинные ресницы, она тихо добавила:

— К тому же я договорилась с одноклассниками вместе делать уроки.

— Оу, — кивнул Чжу Вэньхань.

Цзи Юйтун с опаской взглянула на него. Заметив, что на его лице нет ни тени недовольства, она облегченно выдохнула. Непонятно почему, но, несмотря на то что Чжу Вэньхань всегда был добр к ней, в его присутствии она чувствовала себя крайне неуютно. Особенно после перехода в среднюю школу между ними словно пролегла невидимая граница, а его взгляд всякий раз заставлял ее нервничать.

Вот и сейчас, сидя с ним за одним столом, она боялась даже вздохнуть полной грудью, втайне надеясь, что дьяволица Цзян Ся поскорее спустится завтракать.

— Возьми эти деньги на карманные расходы. Ты уже не ребенок, траты должны были вырасти, — Чжу Вэньхань отпил кофе, вновь нарушая тишину, и, положив пачку купюр на стол, пододвинул ее к девушке. — Возьми.

— Нет, — Цзи Юйтун в испуге покачала головой. — Дядя Чжу, у меня еще осталось много денег, которые вы давали раньше.

— Ничего страшного, возьми. Если не нужны — просто отложи, — улыбнулся он.

— Я... я правда не нуждаюсь.

Пока Цзи Юйтун пыталась отказаться, в столовую, засунув руки в карманы, ленивой походкой вошла Цзян Ся. Пожелав Матушке Гуй доброго утра, она обернулась и с удивлением произнесла:

— Ого, деньги, которые никому не нужны? А мне как раз не хватает. Видимо, вчерашний вещий сон сбылся — с самого утра удача! — Она протянула руку, забрала деньги и сунула их в карман — всё это было сделано одним плавным движением.

— Тебе не хватает денег? Ты же всего несколько дней назад взяла у меня пять тысяч, на что ты их потратила? — Чжу Вэньхань слегка нахмурился.

— Да много на что нужны деньги! Разве пять тысяч — это деньги? Ты такой скупой, у многих моих одноклассников карманные расходы в месяц больше! — Цзян Ся развела руками, изобразив на лице удивление и преувеличенное возмущение.

— Барышня, ну же, завтракайте, пока горячее, — Матушка Гуй поспешила поставить перед ней тарелку.

Цзян Ся осталась стоять на месте. Прищурившись, она помрачнела:

— И к тому же, на что бы я их ни тратила — это в порядке вещей. Твои деньги — это деньги дедушки, а дедушка сказал, что всё его состояние принадлежит мне.

Сказав это, она залпом выпила стакан молока, небрежно вытерла тыльной стороной ладони следы молока на губах и, вновь просияв, бросила:

— Матушка Гуй, я не буду завтракать, мне пора на занятия. — Схватив кусок хлеба и запихнув его в рот, она, насвистывая, выбежала из дома.

— Барышня, ну как же без завтрака! Да и не такие уж это серьезные занятия, поешьте сначала! — Матушка Гуй бросилась за ней, но фигура Цзян Ся уже растворилась в утренних лучах солнца, стремительно удаляясь.

Чжу Вэньхань не раз делал Цзян Ся замечания, призывая ее следить за своим поведением и вести себя подобающе барышне из семьи Цзян. Но Цзян Ся словно специально шла ему наперекор. Если вне дома она еще держалась, то дома вела себя так, будто ей всё дозволено, даже если небо рухнет на землю: ходила развязно, то и дело хватала еду руками.

Более того, казалось, чем старше она становилась, тем меньше боялась Чжу Вэньханя. Она разговаривала с ним насмешливо, и порой одна ее случайная фраза попадала точно в цель, задевая самые болезненные струны в душе мужчины.

Иногда она совсем не казалась ребенком.

Цзи Юйтун ошеломленно смотрела вслед ушедшей Цзян Ся, а затем осторожно перевела взгляд на Чжу Вэньханя. На его лице не было никаких эмоций, лишь брови плотно сдвинулись к переносице — он выглядел погруженным в глубокие раздумья.

Прожив в доме семьи Цзян так долго, Цзи Юйтун по крупицам узнала немало фактов. Например, что Чжу Вэньхань был зятем, вошедшим в семью, поэтому Цзян Ся не носила его фамилию. И что мать Цзян Ся покончила с собой из-за депрессии, после чего Цзян Ся больше никогда не называла Чжу Вэньханя папой...

Это была странная пара отца и дочери: будучи самыми близкими кровными родственниками и живя под одной крышей, они, казалось, ничуть не заботились друг о друге. Их родственные чувства были холодны, а с началом средней школы Цзян Ся и вовсе стала говорить с отцом сплошными колкостями.

Цзи Юйтун вдруг вспомнила своих родителей. Хотя ее воспоминания о них были нечеткими, всякий раз при мысли о них на душе становилось тепло и радостно. Ей стало немного грустно, и на мгновение она даже прониклась жалостью к Цзян Ся, но тут же вспомнила все ее пакости, и это сочувствие мгновенно испарилось.

Она с силой вонзила вилку в яичницу и с досадой отправила кусок в рот.

Спустя некоторое время нахмуренные брови Чжу Вэньханя разгладились. Он вытер рот салфеткой, бросил ее на тарелку и тихо спросил:

— Как тебе в новой школе?

— М-м, всё хорошо, — тихо ответила Цзи Юйтун.

Чжу Вэньхань внимательно разглядывал ее. Девушка перед ним росла день ото дня, и ее прекрасное личико всё больше становилось копией другого лица, глубоко запечатленного в его памяти. Его взгляд внезапно стал расфокусированным и необычайно мягким. Цзи Юйтун, опустив голову, ела и не замечала перемены в его выражении.

Наконец Чжу Вэньхань с легким вздохом произнес:

— Вот и хорошо. — Он помедлил, обдумывая слова, и добавил: — В школе главное — учеба. И... девочкам стоит держать некоторую дистанцию с мальчиками. Ты понимаешь, о чем я?

На самом деле, слова Чжу Вэньханя не были чем-то из ряда вон выходящим. В таких городах, как Цуйчэн, ранняя влюбленность среди школьников средней школы была сплошь и рядом. Такая красавица, как Цзи Юйтун, всегда привлекала внимание мальчишек, и она уже получила немало любовных писем.

Цзян Ся перестала ее задирать просто потому, что повзрослела и переросла детские игры. Но если бы она вдруг решила вернуться к прежнему поведению, никто больше не посмел бы заступиться за Цзи Юйтун, как это бывало в начальной школе.

Тем не менее, эта тема смутила девушку. Она подняла голову, и ее личико, чистое и нежное, как бараний жир, залилось легким румянцем. Опустив глаза, она прошептала:

— Я... я знаю.

Чжу Вэньхань удовлетворенно кивнул:

— Знаю, ты всегда была послушной и рассудительной девочкой. Помни: даже если я занят, если случится что-то, с чем ты не можешь справиться — приходи ко мне. Сейчас ты уже в средней школе, можно начинать пользоваться мобильным телефоном. Если что-то понадобится — звони мне напрямую.

Услышав это, Цзи Юйтун просияла. Цзян Ся уже несколько лет пользовалась личным телефоном, но сама Цзи Юйтун никогда не думала об этом и уж точно не стала бы просить об этом Чжу Вэньханя. Сейчас она была по-настоящему счастлива — теперь общаться с Нуаньсу станет гораздо проще.

При этой мысли на ее лице заиграла радостная улыбка, обнажив две очаровательные ямочки на щеках.

После двух уроков самообороны и небольшого отдыха Цзян Ся и Чжоу Синхань отправились в пустой тренировочный зал, где, надев перчатки, принялись наносить удары по подвешенным мешкам.

— Я так жалею! Насмотрелась телевизора, захотела стать героиней-воительницей и пошла учиться боевым искусствам вместе с вами, психами, — Гань Минчжу обессиленно сидела на полу, на ее красивом лице читалось искреннее раскаяние. — Это же форменное истязание. Знала бы — лучше послушалась маму и спокойно сидела бы дома, играя на скрипке.

— Ой, умоляю, твоя игра на скрипке звучит как предсмертный крик курицы. Если у тебя появится парень, он сбежит, как только услышит твою музыку. Бросай это дело, пока не поздно, мне жаль твоего учителя, — усмехнулся Чжоу Синхань.

— Заткнись!

— А тренироваться — это полезно. Особенно красавицам. Боевые искусства важны — потом сможешь защититься от всяких извращенцев.

Гань Минчжу, услышав, что ее называли красавицей, склонила голову набок, подумала и согласилась:

— А ведь и правда.

Цзян Ся, казалось, не слышала их разговора — она продолжала колотить мешок, пока ее лоб не покрылся крупными каплями пота.

— Слушайте, раз уж заговорили о красавицах... эта Цзи Юйтун из дома Ся действительно хороша. Ее лицо... оно такое... ну, очень красивое, — Гань Минчжу прикрыла глаза, представляя себе Цзи Юйтун. Ее словарный запас был невелик, поэтому она ограничилась простым «очень красивое» и вздохнула: — Не понимаю, почему я не останавливала вас, когда вы ее обижали? Теперь мне всё больше кажется, что она милая, и мне даже стыдно вспоминать прошлое.

Чжоу Синхань перестал бить мешок и с удивлением обернулся:

— Ты же сама девушка, почему так восхищаешься другой?

Гань Минчжу широко открыла глаза и грозно добавила:

— А что, девушкам нельзя ценить женскую красоту?!

— Можно, конечно, можно, — рассмеялся Чжоу Синхань, подошел к ней, сел рядом и обратился к Цзян Ся: — Ся, я вот тоже удивляюсь. Раз уж ты теперь знаешь, что она не дочь твоего отца от другой женщины, почему всё равно не можешь относиться к ней по-человечески?

Цзян Ся замерла, обернулась и, вытирая пот со лба, задумалась. Помолчав, она покачала головой:

— Не знаю. Наверное... я так долго вела себя с ней плохо, что теперь не могу перестроиться.

— На! — Гань Минчжу протянула ей бутылочку с минеральной водой.

Цзян Ся сняла перчатки, взяла воду, сделала несколько глотков и села напротив них:

— На самом деле я знаю, что она несчастная. Ее родители погибли, у нее никого не осталось.

— Она нахмурилась и пробормотала: — Иногда я хочу быть с ней помягче, но это кажется таким трудным, таким неловким... И из-за этого, когда такие мысли проскакивают, я будто начинаю ненавидеть ее еще сильнее. Эх, не знаю, что я несу... — На ее лице отразилось беспокойство, она с силой тряхнула головой.

Чжоу Синхань удивленно округлил глаза:

— Ся, у тебя такие странные мысли!

— А если она не дочь, почему твой отец так хорошо к ней относится? — с любопытством спросила Гань Минчжу.

— Потому что он любит ее мать! — Цзян Ся поставила бутылку на пол и сжала зубы.

<http://bllate.org/book/20977/2129526>